
УДК 930.1(091)(470.6)
ББК 63.1(235.7)
Ш 98

Р.М. Шхачемуков,
*аспирант кафедры отечественной истории, историографии, теории
и методологии истории, старший преподаватель, заеститель декана,
тел.: 8-952-983-28-87, e-mail: shkhachemukov@mail.ru*

**Адыгская историография:
складывание исследовательской традиции
(Рецензирована)**

Аннотация. Проблема становления и развития историографической традиции относится к числу теоретически значимых и сохраняющих до настоящего времени дискуссионный характер. Исходя из этого особый смысл приобретает вопрос о истоках письменной истории у бесписьменных народов, в том числе и у адыгов.

Ключевые слова: историография, источниковая база, обобщающие исследования, кавказоведение, национальная история.

R.M. Shkhachemukov,
*Post-graduate student of Department of National History, Historiography, Theory
and Methodology of History, Senior Lecturer, Deputy Dean, ph.: 8-952-983-28-87,
e-mail: shkhachemukov@mail.ru*

**Adyghe historiography:
formation of research tradition**

Abstract. The formation and development of historiographic tradition belong to theoretically significant problems, which keep so far debatable character. Proceeding from this, of special importance is a question related to sources of written history at the non-literate people, including the Adyghes.

Keywords: historiography, the source base, generalizing researches, the Caucasus study, national history.

Анализ современного состояния исторического знания невозможен без обращения к проблеме истоков, заложивших основу историографической традиции. Процесс зарождения исторического знания не кратковременное явление: он растянут во времени, обусловлен определенными причинами и обстоятельствами. Эти положения имеют принципиальное значение и при обращении к истокам становления адыгской исторической мысли.

Переломным моментом в этом смысле становится конец XVIII — начало XIX в. Российское правительство начинает проявлять все больший интерес к истории народов Кавказа. Даже в специальные разведывательные отчеты

и описания военно-стратегического назначения стали входить данные по этнографии и быту горцев. На страницах российских периодических изданий заинтересованно обсуждался вопрос об «обустройстве», «нравственном освоении» Кавказского края. В связи с этим первостепенное значение приобретает вопрос о знании истории местных народов, их языка и обычаев [1].

Сложившиеся обстоятельства предопределили появление и первых исторических произведений в среде адыгов. Особое место среди работ, опубликованных в эти годы, занимают обобщающие исследования Ш. Ногмова и Хан-Гирея, отразившие не только определённые достижения

в написании истории своего народа, но и в целом процесс становления кавказоведения. Их создание стало переломным моментом: благодаря им обращение к исторической тематике приобрело устойчивый характер [2].

Важным источником для авторов первых историописаний стали собственные знания и воспоминания. Учитывая, что объектом исследования было общество, к которому они принадлежали, у них не существовало проблемы «вживания» в среду. «Имея часто случай участвовать в общественных беседах, - отмечал Ш. Ногмов, — я с жадностью слушал повествования наших стариков и с течением времени успел собрать множество слышанных от них преданий и песен» [3]. Кроме этого, Хан-Гирей активно использовал сведения, полученные от очевидцев «методом расспрашивания», о чем неоднократно упоминает в своих работах.

Особенно важно отметить, что уже работы первых адыгских исследователей включают письменные источники. В частности, Ш. Ногмов обращался к некоторым актовым источникам, хранящимся в Кабардинском временном суде. Кроме того, в приложении он поместил два документа: «Постановления о сословиях в Кабарде» и «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев», а также выдержку из трактата, заключенного между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г. [4].

Важной составляющей структуры, в то же время характерной особенностью процесса становления исторического знания, стали сведения об адыгах (черкесах), вошедшие в сочинения европейских, арабских, турецких, русских авторов. В повествовательных записях, сделанных купцами, миссионерами, путешественниками, отражался внутренний опыт исторического развития народа, происходило закрепление приемов исторического повествования в типологичных для того времени формах (дневники, записи с четкой фиксацией хронологии).

В советский период в наибольшей степени поддерживалась идея влияния на историческое знание в северокавказском регионе русской исторической мысли. В значительной степени это было обусловлено состоянием источниковой базы: уже в IX-XII вв. первые сведения о народах Северо-Западного Кавказа вошли в русские летописи, а с XVI в. народы южного порубежья, в том числе черкесы, воспринимались как важная составляющая внешней политики Руси. С этого периода расширяется объем сведений, содержащихся в русских источниках.

Чем больше Северный Кавказ попадал в сферу интересов России, тем заметнее усиливался интерес к истории и этнографии этого региона, все острее осознавалась потребность в достоверных сведениях. Такие известные ученые, как Н.Ф. Дубровин, П.И. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, Л.Г. Лопатинский, Л.Я. Люлье, В.Ф. Миллер, П.К. Услар, Ф.И. Шегрен, не только часто посещали этот регион, но и многие годы жили среди горцев, исследуя историю и культуру этих народов.

Благодаря их усилиям закладывались основы российского кавказоведения, исторический опыт и судьба северокавказских народов открывались русскому сознанию, становились достоянием исторической науки. По оценке академика Н.Ф. Дубровина, «ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но зато все это разбросано отдельными статьями по различным газетам и журналам и не представляет ничего целого» [5].

Работы первых адыгских авторов были не только адекватны начальному этапу становления исторической науки, но, как это ни удивительно, по уровню постановки теоретико-методологических проблем «вписываются» в дискуссионные вопросы современного кавказоведения. Их труды стали интересными попытками дать целостное представление об адыгах: их «вписанности» в конкретные географические и временные рамки,

особенности происхождения и развития, система жизнедеятельности, культурно-исторические связи с окружающими народами.

В работах адыгских исследователей заметно проявилось влияние европейской исследовательской традиции, сложившейся благодаря идеям просветителей. Так, Хан-Гирей в «Записках о Черкессии» большое внимание уделяет описанию природно-климатических условий Северо-Западного Кавказа. Автор подробно описывает климат, водные ресурсы, полезные ископаемые, флору и фауну [6]. Более того, он останавливается на особенностях или характерных чертах места обитания отдельных племен. Заслугой автора «Записок» является то, что он первым дал полное, систематическое описание природно-климатических условий Черкессии и поставил вопросы о более глубокой проработке некоторых аспектов, таких как климата, водной системы, природных источников.

Не менее значимо и то, что Ш. Ногмов начинает свою работу с проблемы этногенеза адыгов. Этногенез народа всегда являлся одним из самых важных и трудно разрешимых вопросов. Ш. Ногмов предложил антскую теорию происхождения адыгов, основывая ее на том, что «настоящее родовое название народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т.е. Ант» [7]. С этой же идеей он связывает и объяснение этнонима «адыге» [8].

Конечно, решая столь сложные проблемы, авторы не избежали противоречий, неверных трактовок и ошибочных суждений. Тем не менее, ценным является сам факт понимания значимости письменной фиксации исторических событий. Более того, написание исторических трудов воспринималось Хан-Гиреем как достойное и благодарное занятие. «Пройдут столетия, и позднее потомство с восторгом и удивлением будет произносить имена прославленных отечеством мужей: оно оценит их труды, их дела и станет ими гордиться» [9].

Немало энтузиастов десятилетиями занимались собиранием и изуче-

нием устного народного творчества, охраной археологических и архитектурных памятников. Обращение к фольклорным материалам было вполне закономерным явлением. Благодаря деятельности энтузиастов (Ю.Ахметуко, И.Ечерух и др.) были записаны народные песни, сказания, предания, начато создание так называемой «тацитовой истории», основанной на устных свидетельствах [10]. Их усилия, направленные на изучение родных мест, способствовали устойчивому общественному интересу к истории, археологии, этнографии.

С усилением административных, хозяйственных и культурных контактов центра и региона важным каналом распространения сведений о горских народах становится русская периодическая печать. На страницах журналов «Русская старина», «Русский вестник», «Вестник Европы» из номера в номер публиковались этнографические описания, путевые заметки, очерки, авторы которых стремились познакомить «образованную Россию» с малоизвестной историей северокавказских народов. Важно отметить, что большинство созданных в это время текстов были нарративистскими, то есть повествовательными, написанными по типу легенд, сказаний или исторических повестей, но даже при этом нельзя не отметить, что их основу составляли исторические сюжеты. В 1841 году в журнале «Русский вестник» была опубликована историческая повесть Хан-Гирея «Черкесские предания» [11].

События на Северном Кавказе возбуждали «в высшей степени общественное внимание» [12]. К этим вопросам обратились не только ученые, но и многие чиновники и военные. С Кавказом неразрывно связано творчество А.С. Пушкина, Л.Н.Толстого, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского и многих других деятелей культуры. В 1898 году вышел в свет обобщающий труд «Кавказ» в серии «Живописная Россия», немало страниц которого посвящены адыгам. Подводя итоги описанию народов Кавказа, авторы приходят к весьма важному заключению:

«он стоит каким-то грозным стражем на рубеже *двух* миров, двух историй, двух разных человечеств, древнего — Азиатского и нового — Европейского» [13].

В начале XX века в Петербурге было начато издание «Мусульманской газеты» (1912-1915гг.) Одним из ее первых авторов стал С. Сиюхов. На ее страницах печатались также статьи и фельетоны И. Цея [14]. Газета, как отмечал ее редактор С. Габиев, ставила целью «будить отсталые, задавленные царизмом мусульманские народы России» [15]. Оценивая сложившееся положение, газета отмечала, что еще окончательно не улеглась «вековая недоброжелательность». Народы подозрительно следят за каждым шагом, «в каждом движении подозревают злой умысел» [16]. Однако перспектива представлялась достаточно оптимистичной: «следует стремиться смягчить печальное наследие веков, надо жизнь налаживать по-новому...» [17].

Заметным явлением стало издание в Париже журнала «Мусульманин». На его страницах публиковались очерки и статьи по истории горцев Северного Кавказа, широко освещались проблемы развития народного образования. «...Мы, вкусившие настоящую цивилизацию и сумевшие разобраться в ее хороших и дурных сторонах, — писал главный редактор Ю.Ахметуко, — почитаем своим святым долгом поделиться приобретенными знаниями с нашим благородным, но малосведущим народом» [18].

Показательно, что редакция журнала, возглавляемая адыгом, осознавала, что происходившая быстрая утрата народами Северного Кавказа родного языка, обычаев, традиций придает особую значимость проблеме собирания и публикации этнографических и исторических свидетельств. Были намечены и основные направления собирательской деятельности — исторические легенды, рассказы, памятники материальной и духовной культуры [19].

Проблемам национальной истории посвящены многие работы С. Сиюхова [20]. Его статьи систематически публиковались на страницах таких

периодических изданий, как «Кубанские ведомости», «Кубанский листок», «Кубанская школа», «Майкопское эхо», «Мусульманская газета». В них, наряду с общественно значимыми вопросами, такими как защита национальных интересов горцев Северного Кавказа, в том числе адыгов, в ряд первостепенных выдвигались проблемы сохранения и развития культуры горских народов.

Возможность преодоления апатии, охватившей основную часть адыгов, С.Сиюхов видел в обращении к историческому прошлому, призывая всех образованных людей записывать сказки, песни, народные предания. Более того, описывать новые явления в общественной жизни участниками и свидетелями которых им выпало быть. Им было сделано принципиально значимое обобщение, что «горские народные массы и их герои получили скудное отражение в работах историков и литераторов»: их жизнь осталась «в тени не освещенной», а такие важные проблемы, как культура, обычаи, нравы, юридические нормы — «неописанными и неизученными» [21].

При написании первых работ по истории «своего» народа адыгами осознавалось, что «все эти племена жили изустными преданиями, письмен своих не имели, а потому других источников, кроме народных сказаний, они не оставили о своей бытовой жизни» [22]. «Я хотел бы, — писал С. Сиюхов, — привести в систему все виденное, слышанное и пережитое и записать эти воспоминания, чтобы внести и свою небольшую лепту в изучение жизни горцев» [23].

Обобщенное представление об уровне изучения народов Северного Кавказа дают статьи знаменитой энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, издававшейся в конце XIX — начале XX веков. В энциклопедии отмечалось, что изучение Кавказа началось «сравнительно поздно»: первые исследования появились лишь в 50-е годы [24]. Несмотря на несомненный авторитет этого справочного издания, с подобным заключением трудно согласиться: при всех сложностях историографиче-

ского процесса именно в это время закладывались основы российского кавказоведения.

Усилиями многих исследователей была заложена основа научного познания Северного Кавказа. Как бы то ни было, каждая из созданных в это время работ сыграла свою роль в формировании исторического знания. Конечно,

этот интерес к «научной» истории не мог стать и не стал массовым явлением. Тем не менее, все более осознавалась значимость исторического опыта. Складывалась во многом уникальная ситуация: параллельно шла письменная фиксация устных свидетельств и накапливался опыт изучения исторического прошлого адыгов.

Примечания:

1. Военный сборник. 1861. №4. С.371-388.
2. Хаджимуков Т. Народы Западного Кавказа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. XXX. С.1-50; Шарданов В. Черкесы и их прошлое // Кубанский край. 1915. №122, 189, 190, 191.
3. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик. Издательство: Эльбрус, 1994. С. 55.
4. Там же. С. 56.
5. Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик Издательство: Эль-Фа. 2002. С.14.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 49-50.
7. Ногмов Ш. Указ. соч. С. 58.
8. Там же. С. 59.
9. Там же. С. 57.
10. ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.78. Л.32.
11. Его перу принадлежат также очерки «Князь Канбулат», «Наездник Кунчука», «Князь Пшьской Аходягоко» и др.
12. Русская старина. 1881. Т.XXX. С.254.
13. Кавказ. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. IX. СПб.; М.,1898. С.4
14. Там же. С.129
15. Из воспоминаний С. Габиева / Сиюхов С. Избранное. Составление, предисловие и комментарии к текстам Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 63.
16. Мусульманская газета.1913.№17.
17. Там же.
18. Мусульманин.1908. №1. С.2.
19. Там же. С.1.
20. Этнографические наброски (1913 г.), Коронованные палачи (1914 г.), Перед национальной катастрофой (1914 г.), Очерк жизни и нравов черкесов, населяющих Кубанскую нагорную область (1915 г.) и др.
21. Сиюхов С. Указ. соч. С. 43.
22. Сиюхов С. // Мусульманская газета.1913. №20.
23. Сиюхов С. Указ. соч. С.43.
24. Россия / Энциклопедический словарь Брокгауз Ф.А. и Ефрона И.А. СПб. Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрона. 1899. Т. XXVIII. С. 112.

References:

1. A military collection. 1861. No. 4. P. 371-388.
2. Khadzhimukov T. Folks of the Western Caucasus // The Caucasian collection. Tiflis, 1910. V. XXX. P. 1-50; Shardanov V. The Circassians and their past // The Kuban area. 1915. No. 122, 189, 190, 191.
3. Nogmov Sh. History of the Adyghe people. Nalchik: Elbrus, 1994. P. 55.
4. Ibidem. P. 56.
5. Dubrovin N.F. On the folks of the Central and North Western Caucasus. Nalchik: El-Fa, 2002. P. 14.
6. Khan Girey. Notes on Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978. P. 49-50.
7. Nogmov Sh. The mentioned work. P. 58.
8. Ibidem. P. 59.
9. Ibidem. P. 57.
10. TsDNIRO. F. 7. Op. 1. 78. L. 32.

-
11. He also wrote such sketches as «Prince Kanbulat», «Kunchuk's Equestrian», «Prince Pshskoy Akhodyagoko», etc.
 12. Russian old times. 1881. V. XXX. P. 254.
 13. The Caucasus. Picturesque Russia. Our fatherland with its land, historical, breeding, economic and household value. V. IX. SPb. ; M., 1898. P. 4.
 14. Ibidem. P. 129.
 15. From S. Gabiyev's memoirs // Siyukhov S. Selected works / comp., foreword and comment. by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik: El-Fa, 1997. P. 63.
 16. The Muslim newspaper. 1913. No. 17.
 17. Ibidem.
 18. A Muslim. 1908. No. 1. P. 2.
 19. Ibidem. P. 1.
 20. Ethnographic sketches (1913), The crowned executioners (1914), Before the national catastrophe (1914), The sketch of life and customs of the Circassians living in the Kuban mountain area (1915), etc.
 21. Siyukhov S. The mentioned work. P. 43.
 22. Siyukhov S. From the Circassian motives // The Muslim newspaper. 1913. No. 20.
 23. Siyukhov S. Favourites ... P. 43.
 24. Russia // Encyclopaedic dictionary of Brockhaus F.A. and Efron I.A. SPb.: The joint-stock publishing company of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. 1899. V. XXVIII. P. 112.